



ДЖЕЙМС ЭШЕР

---

Те, кто охотится в ночи

Путешествуя с мёртвыми

**Кровавые девы**



Маттиоле.

Особая благодарность посетителям моего блога: Mosswing, Moondagger, Dorianegrey, ann mcn, redrose, mizkit и shakatany — за помощь и советы по поводу направления исследований. Без вас я не справилась бы!

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Туман заглушал вопли будто вата. Держась поближе к серой дощатой стене одного из рабочих барачков, Джеймс Эшер прибавил шаг. Вонь поднятой в воздух пыли пополам с кордитом — вонью гари — прошла по ноздрям наждаком, стирая все прочие запахи, подсказывавшие, где он, ароматы уборных, и карри, и кур...

«Откуда весь этот туман?»

Ответ содержал в себе ключ ко всему, творившемуся этой ночью, — только бы отыскать его...

«Над Молопо таких туманов не было отродясь...»

Земля под ногами дрожала в такт взрывам артиллерийских снарядов.

Этой части Мафекинга<sup>1</sup>, пыльного городка, населенного горняками, он прежде ни разу не видел, хотя мог бы поклясться, что знает каждый квартал, каждую улочку наизусть. Со стороны трущоб, где жили с семьями рабочие-баролонги<sup>2</sup>, доносился пронзительный визг детей и женщин, до смерти перепуганных смертоносным ливнем, обрушившимся на город с ночного неба.

«Нужно добраться туда. Добраться и отыскать...»

---

<sup>1</sup> Мафекинг (с 1980 г. — Мафикенг) — город в ЮАР, расположенный на берегах реки Молопо (*здесь и далее — примечания переводчика*).

<sup>2</sup> Баролонг (также — ролонг) — одно из племен народности тсвана.

Однако кого или что он должен отыскать на сей раз, вспомнить не удалось.

«Нужно остановить их..»

Свернув за угол, он почувствовал под ногами бульжную мостовую. Теперь его обступали кольцом высокие кирпичные здания — конторы горнорудных компаний, первоклассные магазины, где местные леди одевались по последней британской моде... Как он попал сюда, Эшер за невозможностью сориентироваться не понял, однако сквозь пыльную мглу сумел разглядеть впереди пламя пожаров. Под ноги, визжа от ужаса, бросилась чья-то болонка. Мир вздрогнул от разрыва еще одного снаряда, упавшего заметно ближе прежних. Пламя свечи за ближайшим окном выхватило из темноты нечто новое — узенький, глянцеви́то поблескивающий ручеек крови, струящийся по камням мостовой ответвляющегося от площади переулка.

Воздух колом застрял в легких.

«Боже правый, сколько же там погибших?»

Резкого медянистого зловония не притуплял даже удушливый запах дыма. Прибавивший в ширине, кровавый ручеек в рубиновых отсветах пламени лениво лизнул носок ботинка. Заглянув в узкий каньон переулка, Эшер увидел на влажном от росы бульжнике цепочку жутких, маслянисто блестящих лужиц, уходящую вдаль, в непроглядный мрак ночи.

Держась у стены, он двинулся вдоль ручейка. Крики и сотрясающий землю гром артиллерии буров сделались громче, вспухли волной, однако тут же утихли, приглушенные сгущающимся туманом. Ноздри по-прежнему щекотал запах реки, смешанный с дымом охвативших город пожаров, но, углубившись в узенький переулок, Эшер понял: «Это вовсе не Мафекинг. Это Лондон».

«Лондон... а я просто сплю».

Однако мысль эта нисколько не утешала. Означала она лишь одно: в непроглядной тьме может прятаться, поджидая его, любящая неожиданность. А весь его жизненный опыт, все, что он сделал и повидал в Африке во время войны с бурами, и на Балканах,

и в Китае — всюду, куда бы ни посылала его королева на протяжении двадцати лет негласной службы Отечеству, подсказывало: рассчитывать на приятный сюрприз по меньшей мере наивно.

Крови, точно так же струящейся по мостовым — да отнюдь не одинокими, скромно поблескивавшими ручейками едва в дюйм шириной, — он повидал предостаточно и наяву.

Касаясь ладонью стены, чтоб не заплутать в темноте, Эшер свернул за угол. Действительно, Лондон... небольшая площадь где-то неподалеку от Тауэра и доков. Сквозь туман, озаренный сполохами пламени, он едва смог разглядеть полуразрушенную, лишившуюся шпиля колокольню дореновской<sup>1</sup> церкви. Ночной мрак за проломами в ее стенах казался черным как смоль. Невдалеке виднелся столб уличного фонаря — не из новых, электрических, но старомодного, газового, — однако стекло в нем оказалось разбито и огонек угас. По счастью, над дверью одного из домов покачивался на проржавевшем крюке еще фонарь, со свечой внутри, и в его тусклом свете Эшер увидел, что лужа — целое озеро крови — тянется почти через всю площадь.

Под фонарем, в дверной нише высокого дома без единого огонька за оконными стеклами ждал Эшера дон Симон Исидро.

— Джеймс...

По обыкновению негромкого, едва уловимого шепота вампира не смог заглушить ни грохот разрывов, ни вопли гибнущих.

— Джеймс, нам нужно поговорить.

— Катись в пекло, — ответил Эшер.

Глаза его открылись сами собой. Вокруг было темно. Со лба ручьями струился пот, все тело дрожало.

«Катись в пекло...»

---

<sup>1</sup> Кристофер Рен — известный английский математик и архитектор, перестроивший центр Лондона после Великого пожара 1666 г., создатель общенационального английского архитектурного стиля, т. н. «реновского классицизма».

Что ответил Исидро на сию ремарку, Эшер знал точно, пусть даже не слышал ответа: именно пекло, адское пекло он и видел во сне.

Не обстрел бурами Мафекинга — бомбардировку германцами Лондона. Он видел величавые воздушные суда, цеппелины, безмолвные, словно облака над Констанцским озером<sup>1</sup>, и планы превращения оных в летучие транспорты, чтоб осыпать мощными бомбами вражеские города. Видел он и арсеналы — оружие, запасенное немцами, и австрийцами, и французами, не говоря уж о русских с турками. Видел он и смотр армий кайзера — стройные колонны солдат в серых мундирах, идущих церемониальным маршем по Унтер-ден-Линден, и блеск в глазах германских офицеров, предвкушавших, как поведут все эти непревзойденные силы отвоевывать для себя «подобающее место» в Европе и во всем мире.

В сравнении с назревающим лужа крови из сновидения — всего лишь жалкая клякса, кровавый ручей — лишь капелька, вытекшая из пальца, уколотого булавкой.

«Я должен добраться туда. Должен остановить их. Должен найти...»

Не без труда удалось ему заставить себя сделать глубокий вдох и медленно выпустить воздух. У начальства из Департамента всегда находилось еще одно, последнее дело, последнее поручение, справившись с коим он, Джеймс Эшер, скромный преподаватель, филолог из Нового Колледжа, предотвратит очередной кошмар, поджидающий за углом...

Но отчего-то искать и выяснять всякий раз приходилось то, чего, по мысли военных, недоставало армии, чтобы на пару шагов обогнать немцев в нескончаемом состязании — чье оружие смертоноснее, чьи линкоры огромнее, чья мощь страшней.

«Вот только при чем здесь Исидро?»

---

<sup>1</sup> Констанцское озеро — устаревшее название Боденского озера в Предальпах, на границе Германии, Швейцарии и Австрии.

Лежа во тьме, Эшер прислушивался к стуку дождя за окном. Мирное, ровное дыхание Лидии в тишине спальни казалось необычайно громким, как будто оглушительный грохот канонады сотрясал все вокруг сегодня — пять минут, а не двенадцать лет тому назад. Лежавшая рядом Лидия свернулась калачиком, точно ребенок, устроив голову на его плече. При свете крохотного ночника густой шелк ее заплетенных в косы волос казался совсем темным, хотя днем, при свете солнца, был рыж, точно хна. Ночной рубашки она после любовных игр, несмотря на прохладу весенней ночи, не надела, и на ее обнаженной шее поблескивали звенья серебряной цепочки: с этой цепочкой Лидия не расставалась ни на минуту.

«Притом что Исидро — вампир?»

Смежить веки Эшер не смел, опасаясь вновь провалиться все в тот же кошмар, в тот же момент, из которого вынырнул. Опасаясь снова увидеть ту же стройную фигуру в дверной нише под фонарем на ржавом крюке, то же узкое, некогда миловидное лицо, те же длинные бесцветные волосы, невесомые, словно паучий шелк... и, разумеется, неизменное любопытство в блекло-желтых глазах, отражающих все вокруг, подобно кошачьим.

«Быть может, Исидро приснился мне, так как за триста пятьдесят с лишним лет охоты на живых для подкрепления сил без колебаний, без угрызений совести погубил столько народу — мужчин, женщин, детей, — что их хватило бы на два, а то и на три Мафекинга?»

Рука Эшера сама собой потянулась к его собственной цепочке, охватывавшей шею чуть выше ключиц. Казалось, гладкие, увесистые звеньшки из серебра накрепко связывают его и Лидию с тайным знанием, с тайными ужасами. Скользя по металлу, его пальцы коснулись и шрамов, тянущихся от уха, вдоль яремной вены и сонной артерии, к плечу и ниже, до самого локтя.

«Или же потому, что в моем “подсознании” — как выразился бы этот малый из Вены, по фамилии Фрейд — дон Симон Кри-

стиан Хавьер Морадо де ла Каденья-Исидро представляет собою Смерть?»

Оставалось только надеяться, что это так.

Об ином вероятном — и, вполне может быть, истинном — объяснении размышлять не хотелось. Очень.

Шаньдунский полуостров, деревушка Ваньвэй. Жаркая, влажная ночная мгла укрывает все вокруг удушающей пеленой, монотонный напев цикад и трели лягушек прекрасно маскируют тот, прочий шум, вроде бы донесшийся из-за деревьев, ширмами окаймляющих рисовые поля.

Едва различимый хруст валежника под войлочными сапогами. Голоса людей, перешептывающихся на практически непонятном ему диалекте. Кружащая голову тревога, навеванная неспособностью верно истолковать безмолвные знаки, которыми на его глазах обменивались крестьяне в течение дня, их бесстрастные выражения лиц, ни к чему не обязывающие поклоны... а как, как, скажите, понять смысл всего этого, лежащего на поверхности неизмеримо более глубокой культуры, человеку, практически с ней не знакомому?

Германцы, строившие в Циндао флотскую базу, считали Эшера соотечественником, а догадавшись, что это не так, пристрелили бы без разговоров. Однако стоило выйти за пределы их поселения, и кто он таков — немец ли, англичанин, американец или француз, — никакой роли уже не играло.

За воротами он становился «фань цюйай», длинноносым дьяволом. И с наступлением темноты все эти безмолвные, добропорядочные крестьяне как один поднимались, покидали дома, стекались к одинокому иностранцу стайей акул.

Деревушка Ваньвэй пустовала не первый год. На окнах самой большой из двухкомнатных хижин еще сохранились ставни, однако кровля наполовину просела внутрь. В лунном свете, сочившемся сверху сквозь переплет стропил, Эшер разглядел холод-

ный кирпичный помост печи-лежанки, раздавленные корзины, битые горшки. Со всех сторон несло плесенью, крысиным пометом... и кровью.

Он снова спал. Спал и видел сон.

Помнивший, чем обернулась та давняя ночь на деле, в 1898-м, и отнюдь не желавший пережить все это вновь, Эшер огляделся вокруг. Он знал: еще пара минут, и над потолочными балками появятся силуэты людей, местных приверженцев общества «Кулак во имя справедливости и согласия», посвятивших жизнь уничтожению белых — тех, кто подверг надругательству китайские традиции и обычаи, под дулами пушек продавал им наркотики, глумился над их божествами и предками, а теперь, в угоду христианской вере и прогрессу современной европейской торговли, вознамерился разделить их страну меж собой, будто сладкий пирог. Если ему удастся как-нибудь перебраться через заднюю стену хижины до их появления...

Однако тут свет луны померк, приобрел жуткий зеленовато-желтый оттенок. Вместо повстанцев-ихэтуаней<sup>1</sup> в хижину пополз странный густой туман, колышущийся куда тяжелее, ленивее любого обычного. Клубы его обожгли глаза и ноздри, горло закупорил необычайно сильный запах горчицы. Об этом — о новом оружии, изобретенном германцами, о ядовитом газе, парализующем и ослепляющем человека, — Эшеру рассказывали в Форин-офис<sup>2</sup>.

В задней части хижины обнаружилась дверь («Отчего ее не было там в июне 1898-го?» — мелькнула мысль в голове), и, выскользнув за порог, Эшер увидел перед собой подножие каменной лестницы, спиралью ведущей вверх, в башню, хотя оказаться

<sup>1</sup> Ихэтуань («Отряд справедливости и мира») — общее название многих стихийно сформировавшихся повстанческих отрядов во время так называемого «Боксерского восстания» в Китае, а также их членов.

<sup>2</sup> Ф о р и н - о ф и с (англ. Foreign Office) — устаревшее неофициальное название министерства иностранных дел Великобритании.

пристройкой к хижине, которую он только что покинул, подобная башня никак не могла. Между тем газ начал сочиться в башню сквозь щель под дверью, и Эшер без колебаний помчался наверх. Запах крови становился сильнее и сильнее. Тоненький лунный луч высветил под ногами кровавый ручеек, стекающий по ступеням навстречу.

«Кровь... она ведь откуда-то да берется?»

Газ поднимался следом. В донесениях Форин-офиса говорилось, что газ этот тяжелее воздуха, а значит, его вполне возможно опередить... однако стоило подумать об этом, свет луны угас. Нашупывая путь в непроглядной тьме, задыхаясь от запаха крови и яда, Эшер двинулся дальше, но лестница, кончившись, уперлась в глухую стену. Не видя вокруг ни зги, Эшер не мог даже понять отчего — оттого ли, что башня без окон, или, может, он ослеплен газом?

Упав на колени во мраке, он принялся ощупывать край пола.

«Кровь ведь откуда-то да берется...»

Однако в камне не нашлось ни щелки, ни трещинки. Горячая, свежая, словно только что выплеснувшаяся из раны кровь липла к пальцам, подступающий снизу газ обжег горло. В отчаянии Эшер вскочил, начал лихорадочно обшаривать стену, неразличимую в угольно-черном мраке...

И тут над его ухом раздался знакомый, едва уловимый шепот:  
— Джеймс... Джеймс, нам нужно поговорить.

— Да, такое вполне в его силах, — подтвердила Лидия, вернувшись к столу, накрытому к завтраку, с чашкой кофе, яичницей и тостом на тарелке розового с зеленым фарфора и вторым кексом, для него.

Нотки отрешенного равнодушия в ее голосе не обманули Эшера ни на секунду.

— Решив, что для поездки с ним в Вену в прошлом году, на поиски тебя, мне нужна компаньонка, он призвал ее, точно так же воспользовавшись сновидениями.

«И убил, когда в ней минула надобность...» Нет, этого Лидия вслух не добавила — только, не сводя огромных бархатно-карих глаз с яичницы, принялась отщипывать от тоста крохотные кусочки, макать их в растекшийся желток, а после откладывать на край тарелки несъеденными.

Знакомые признаки... Глядя на все это, Эшер от души пожалел, что был вынужден напомнить Лидии о старом вампире.

Когда-то она любила его.

И теперь, наблюдая, как молодая жена тщательно, добиваясь безупречной симметрии, раскладывает на тарелке кофейную ложечку, ложечку для яиц и нож, Эшер заподозрил, что любовь к дону Симону Исидро жива в ее сердце до сих пор.

«Да, я очаровал ее, мы всегда очаровываем, — объяснил ему Исидро перед расставанием, в безмолвии собора Святой Софии Константинопольской. — Мы так охотимся. И это ничего не значит».

Разумеется, Эшер все это понимал. Изрядно обжегшийся на отношениях с одной из вампиров, графиней Эрнчестерской, он знал, через что пришлось пройти Лидии. Да, она уже не была девицей из обеспеченной семьи, шокировавшей родных брачным союзом с человеком на десять с лишним лет старше — и, кстати заметить, нищим преподавателем языкознания! — однако Эшер-то видел, что ее увлечение медицинскими изысканиями во многих отношениях возобновило эмоциональную изоляцию, начало коей положило богатство отца. В эндокринных системах человеческих существ Лидия до сих пор разбиралась гораздо лучше, чем в их поступках, жизнях и душевных склонностях.

Любовь к Исидро и вид безжизненного, обескровленного тела той самой бедняжки, ее компаньонки, распростертого на кровати, — все это оказалось для Лидии ударом отнюдь не из легких. Вот уже битых полтора года Эшер наблюдал, как она то запирается в анатомическом театре больницы Радклифа, то пря-